

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

А. Н. Кошечко, Е. И. Пацёрка

Томский государственный педагогический университет, Томск

Исследуется система педагогических идей Достоевского, реализованных в тексте «Дневника писателя». В качестве постановки проблемы педагогические идеи писателя анализируются в контексте художественно-эстетических, нравственно-философских и социальных вопросов, которые осмысляются в моножурнале и имеют отчетливую направленность к активизации ценностной позиции читателя. Комплекс педагогических идей Достоевского в контексте недостаточной изученности «Дневника писателя» обретает статус актуальной научно-методологической проблемы, к исследованию которой наука о Достоевском в формате целостного методологического исследования не обращалась.

В системе педагогических доминант Достоевского выделяются следующие: семья, общественное воспитание (среда, школа, образ учителя) и духовность. Рассматривая человека как существо духовно-телесное, писатель показывает в «Дневнике писателя» важность создания условий персонального ценностного выбора, который должен обеспечиваться неравнодушной включенностью взрослых, созданием «почвы» в виде пространства семьи, духовных императивов русской культуры и традиций русского народа. Воспитание в концепции Достоевского представляет собой диалогический процесс духовного общения личностей-субъектов, способных к пониманию и принятию, взаимному нравственному совершенствованию.

Значимым анализ педагогических идей Достоевского является и для национальной образовательной политики не только в области преподавания русского языка и литературы, но и для практического решения вопросов духовно-нравственного образования и воспитания.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя», автор, ценности, православие, русская культура, духовно-нравственное воспитание, нравственность, сознание, детство, «случайное семейство», диалог, народ, родители, учитель, субъект, Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г.

В 2010-х гг., как и в пореформенную эпоху 1860–1870-х гг., которая стала знаковым периодом в развитии литературно-художественной и публицистической мысли, Россия переживает ситуацию колоссального мировоззренческого сдвига, находится в эпицентре процессов, аксиологический вектор которых при отчетливом духовно-нравственном и религиозном ренессансе направлен отнюдь не на созидание. Причины подобной ценностной трансформации заключаются, на взгляд авторов, в забвении духовных первооснов отечественной истории и культуры. Россия активно воспроизводит новую иерархию ценностей, в основе которой – деньги, а не душа человека. Предельно точно эту тенденцию, определяющую содержание и стратегию мировоззренческих изменений, описывает в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский: «все „ослабели“; *ожирели сердца* (здесь и далее в цитатах курсив наш. – А. К., Е. П.); всем хочется сладенького, материальной выгоды. Все *рабы уже по существу своему* и даже представить не могут себе, как это можно *решить для правды, а не для собственной выгоды*» [1, т. 21, с. 100–101]. Симптоматичность ценностно-мировоззренческих тенденций эпохи Достоевского, о которой он размышлял не только как писатель, но и как публицист, эпохе 2010-х гг. обнаруживает комплекс художественно-эстетических, нравственно-философских и социальных вопросов (отсутствие национального самосознания у подавляющего большинства народа при сохранении своего рода «национального инстинкта», утрата способности к мировоззренческой и ценностной самоидентификации, тотальное разъединение людей, «случайное семейство», тенденция к минимизации нравственных усилий, кризис ответственности, распространение разного рода ценностных суррогатов) [2], ответы на которые позволяют читателю и тогда, и сейчас самоопределиваться и вступить в диалог с автором, что изначально мыслилось им как базовая смысловая и рецептивная установка этого уникального моножурнала.

Парадоксально, но в российской публицистике 1990–2010-х гг. мы не встретим текстов, которые дают такой глубокий анализ актуальных проблем, в том числе и проблем педагогических, связанных с воспитанием подрастающего поколения. В литературоведении и педагогике вполне традиционным является изучение педагогических идей Толстого как создателя собственной педагогической системы, которая до настоящего времени полностью или частично воспроизводит себя в существующих практиках. Однако комплекс педагогических идей Достоевского в контексте недостаточной изученности

Парадоксально, но в российской публицистике 1990–2010-х гг. мы не встретим текстов, которые дают такой глубокий анализ актуальных проблем, в том числе и проблем педагогических, связанных с воспитанием подрастающего поколения. В литературоведении и педагогике вполне традиционным является изучение педагогических идей Толстого как создателя собственной педагогической системы, которая до настоящего времени полностью или частично воспроизводит себя в существующих практиках. Однако комплекс педагогических идей Достоевского в контексте недостаточной изученности

«Дневника писателя» обретает статус актуальной научно-методологической проблемы.

Значимым анализ педагогических идей Достоевского является и для национальной образовательной политики не только в области преподавания русского языка и литературы, но и для практического решения вопросов духовно-нравственного образования и воспитания. Именно в этой области в полной мере раскрывается весь спектр духовных потерь, которые актуализируются в нашем сознании, особенно когда мы пытаемся вернуться на исходную, восстановить то, что было утрачено. И в этом контексте «Дневник писателя» Достоевского открывает нам не только причины и смысл «духовной самоутраты» (И. Ильин), но и путь ее преодоления через восстановление самосознания. Без него невозможно никакое возрождение и никакие реформы в национальном духе. Это касается и практики духовной жизни, и семейных ценностей, и образования, и воспитания как нравственно-мировоззренческих процессов развития сознания личности. Особенно важно, что сейчас, впервые за несколько десятилетий, российское общество, опираясь на нравственные уроки русской культуры и литературы предшествующих эпох, пытается договориться о содержании и методах воспитания¹.

В рамках настоящей статьи не представляется возможным целостное описание всего комплекса педагогических идей, реализованных в «Дневнике писателя» Достоевского, поэтому ограничимся рядом принципиальных замечаний, определяющих фундаментальные методологические и содержательные установки исследования.

Решение заявленной научной проблемы предполагает обращение к исследованию двух важнейших аспектов «Дневника писателя»: способов репрезентации педагогических идей Ф. М. Достоевского в идейно-тематическом поле текста и их концептуального наполнения. Необходимо учитывать, что задача исследователя существенно осложняется особой смысловой структурой моножурнала, воплощающей авторскую установку на синтез универсального, национального, духовно-нравственного и социально-исторического начал бытия и диалогическую коммуникацию с читателем в процессе понимания и освоения смыслов прочитанного, что само по себе может рассматриваться как своеобразная педагогическая установка и методика работы с ценностно-смысловой структурой личности воспринимающего текст субъекта.

Как носитель экзистенциального сознания, доверяющий преимущественно своему непосредственному опыту проживания реальности, Достоев-

ский неоднократно обращается в «Дневнике писателя» и эго-документах к исследованию фактов собственного детства. Из разрозненных контекстов, относящихся к разным этапам становления собственной личности, писатель выделяет три взаимосвязанных направления воспитания ценностной сферы личности, которые можно определить следующим образом:

1) эмоциональное – формирование чувственной сферы личности, некритичная часть опыта, в период доминирования которой ребенок подчиняется воспитательным стратегиям, выбранным родителями и реализованным ими в системе воспитательных действий в качестве императива, не требующего доказательств и принимаемого в силу авторитета на веру;

2) смысловое – формирование интеллектуальной сферы личности, начинающееся с вхождения в критичную часть опыта, когда родительские установки начинают подвергаться осмыслению и оценке;

3) религиозное – развитие духовной сферы личности, которая на этом этапе выходит на уровень целостного бытия через переосмысление и переоценку своего опыта и выбирает в качестве инструмента саморегуляции высший духовный императив.

Все три уровня выделены авторами в качестве целостной системы, актуальной для Достоевского как личности и писателя (подробнее об этом см.: [3]), нашли отражение в текстовой деятельности, обозначив важнейшие аксиологические доминанты размышлений о судьбах молодого поколения, роли отцов в воспитании детей, феноменологии «случайного семейства». При этом необходимо отметить, что Достоевский не был педагогом в привычном смысле этого слова, но он стал «учителем» для русского общества, для мыслящей молодежи, находящейся в эпицентре подвижной, меняющейся на глазах эпохи, аксиологический вектор которой был смещен, критерии разграничения добра и зла оказались предельно подвижными и не дающими возможности опереться на них для самоопределения себя в бытии.

Эта неопределенность во многом соотносится писателем с жизненной установкой современных людей – *après moi le déluge* (фр. «после меня хоть потоп»), которая в очерке «Мечты и грезы» характеризуется следующим образом: «...за текущими важными делами (а у нас все смотрят такими важными деловыми людьми) некогда и глупо думать о том, что будет через десять лет или к концу столетия, то есть когда нас не будет» [1, т. 21, с. 91]. «Русские мальчишки», как их называет Достоевский, понятие «ценность» зачастую подменяют понятием «материальное благо», живя «в полной и очевидной уверенности, что добрые дела, нравствен-

¹ На эти аспекты указывают и важнейшие нормативные документы, в частности Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г.

ность и честность есть нечто данное и абсолютное, ни от чего не зависящее и которое можно всегда найти в своем кармане...» [1, т. 21, с. 123]. Результатом движения в этом направлении становится, по мнению писателя, неминуемое «обособление», разрушение духовно-нравственного единства русского общества. В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский целую главу посвящает исследованию этого феномена, вынеся термин «обособление» в заглавие как сильную позицию текста и обозначив тем самым не только тематическую направленность очерка, но и его аксиологическую задачу – выявить причины этого процесса, который в силу своей всеохватности не поддается исследованию и описанию привычными способами: «...мне всё кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего „обособления“. Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслышанное. Всякий откладывает всё, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает с своих собственных мыслей и чувств. Всякому хочется начать с начала. Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только и утешается» [1, т. 22, с. 80].

Но Достоевский в «Дневнике писателя» показывает не только кризисные явления саморазрушения и саморазложения. Автор стремится найти и показать то «ядро», которое может послужить в качестве «охранительной силы» для молодого поколения в процессе его становления как основы будущего русского общества. Одним из таких «ядерных» смыслов воспитания Достоевский называет «направленность», ведь, по его мнению, испорченных и неподдающихся воспитанию нет. В частности, в «Двух заметках редактора», опубликованных еще в 1873 г. в журнале «Гражданин», Достоевский проговаривает несколько важных педагогических установок в своих размышлениях о высших женских курсах в Москве, замечая, что «искренность и чистота доброго намерения могут быть, и весьма часто, дурно направлены, подпасть влиянию иной предвзятой мысли, имеющей мало общего с настоящим просвещением» [1, т. 21, с. 154]. Далее автор, говоря о женском образовании, обозначает три универсальные доминанты эффективного в нравственном и педагогическом отношении образовательного процесса: «строгая учебная дисциплина... безо всяких послаблений в их пользу, и немедленно исключать тех из них, которые не учатся или учатся дурно», «малейшее нарушение правил нравственности должно повлечь за собою немедленное исключение женщины из числа учащихся», «ежегодные экзамены должны быть безусловно строги» [1, т. 21, с. 154]. Несмотря на то что подобная позиция повлекла за собой упреки в ретроград-

стве, Достоевский настаивает на том, что образование позволяет «приобрести... высшие духовные силы», причем для женщины особенно важна, по мнению писателя, «самостоятельность ума и сердца»: «настоящая, строгая наука *изгонит всякую фальшь, всякую постороннюю и ложную идею, засевшую в иную еще не привыкшую к идеям женскую голову и навеянную каким-нибудь посторонним, обыкновенно мужским влиянием*» [1, т. 21, с. 155].

Следовательно, «направленность» в понимании Достоевского соотносится с такими понятиями, как самоидентификация, самореализация, самооценка. Первоначальную «направленность», по мысли писателя, задает семья, формирующая представления ребенка о добре и зле, должном и недолжном существовании, границах допустимой свободы и т. д. В рамках семьи выстраиваются первые ориентиры, затрагивающие отношение ребенка к самому себе как к личности и к социуму как макрореальности, в которой каждому представителю молодого поколения предстоит реализовать свой потенциал и пройти процесс проверки своих убеждений на жизнеспособность. Эти сложнейшие экзистенциальные процессы личность может выдержать только при условии наличия устойчивой «почвы», на основе которой воспитываются важнейшие принципы нравственного бытия личности: уважение, равнодушие, духовные основания жизненной позиции, патриотизм, «естественная правда». В размышлениях об отсутствии этой «почвы» Достоевский методом от противного обозначает ее важнейший аксиологический потенциал: «дети воспитываются без почвы вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу, так особенно распространяющемся в последнее время, – тут ли, из этого ли родника наши юные люди почерпнут правду и безошибочность направления своих первых шагов в жизни? Вот где начало зла...» [1, т. 21, с. 132].

«Почва» – это и личный пример родителей в добре, честности, сострадании. Поэтому на этапе не критичной части опыта сама обстановка семьи, поведение родителей в процессе непосредственного восприятия их ребенком формируют базовые установки личности: «самые сложные понятия прививаются к ребенку совсем незаметно, и он, еще не умея связать двух мыслей, великолепно иногда понимает самые глубокие жизненные вещи... всякий ребенок, достигая первых трех лет своей жизни, уже приобретает целую треть тех идей и познаний, с которыми ляжет стариком в могилу» [1, т. 22, с. 9]. «Глубокие жизненные вещи» – это не столько интеллектуальное развитие, сколько нравственное совершенствование

личности: «ребенок, что цветок, что листок, завязавшийся весной на дереве: ему надо свету, воздуху, воли, свежей пищи» [1, т. 21, с. 112]. В связи с этим первостепенной задачей родителей, как считает Достоевский, должно быть стремление занять активную и равнодушную позицию и дать детям образец, тот самый «воздух» и «свежую пищу».

Процесс воспитания, с точки зрения Достоевского, – это самоотверженный непрестанный труд. И как любой труд воспитание не терпит равнодушия и лени. Отсюда в осмыслении семейного воспитания появляется анализ совершенно особого типа родителей, которых писатель обозначает емким термином – «ленивые сердца». Это отцы, оберегающие свой покой, отстраненные родители, для которых характерна «жажда покоя и уединения... отъединения от всех долгов и обязанностей»: «это ненавистное чувство, вечно раздражаемое напоминанием неисполненного относительно детей долга, раздражаемое вечным торчанием перед вами этих *маленьких, новых личностей*, требующих от вас всего и дерзко (увы, не дерзко, а по-детски!) не понимающих, что вам так нужен ваш покой, и считающих этот покой ни во что... это *ненавистное чувство даже к собственным детям* может переродиться наконец в настоящую месть, а под поощрением и подстреканием безнаказанности – даже в зверство. *Да лень и всегда порождает зверство, заканчивается зверством. И зверство это не от жестокости, а именно от лени.* Сердца эти не жестокие, а именно ленивые сердца» [1, т. 25, с. 185]. Самое страшное, что трагические последствия такого воспитания не в полной мере осознаются обществом. Парадоксален сам факт юридического процесса родителей Джунковских с родными детьми, анализу которого Достоевский посвящает отдельный очерк «Дневника писателя» за июль – август 1877 г. Обвиняя в дурном воспитании детей «дурных учителей» и гувернанток, родители совершенно не думают о нравственных последствиях происходящего, «о будущем и о том, какие чувства останутся в сердце этих детей от этого дня, не подозревая даже о том, что они унесут в свое будущее из этого дня, – он обвиняет их и разоблачает всё их дурное, все постыдные поступки их, жалуется суду, публике, обществу» [1, т. 25, с. 186].

Для полной характеристики разрушительного влияния процессов обособления и лени на воспитание подрастающего поколения Достоевский вводит понятие «случайное семейство», которое предельно емко обозначает отсутствие в жизни ребенка любви, заботы, взаимопонимания. Членов таких семейств мало что роднит, они живут вместе, но параллельно, близко, но отчужденно. Такие семьи

не единичны и являются показателем внутреннего «обособления», разложения общества, утраты общей идеи. А если нет идеи, нет основы, то «случайное семейство» дает обществу «диких существ», «особей людей», «выкидышей общества» и т. д. Но даже в случаях с такими измученными, страдающими детьми Достоевский не теряет надежды. По мнению писателя, испорченных и неподдающихся воспитанию детей нет. Так, малолетних преступников на страницах «Дневника писателя» он называет «падшими ангелами» и «оскорбленными детьми» (например, очерк «Колония малолетних преступников» в январском выпуске за 1876 г.).

В противовес разрушительным тенденциям Достоевский предлагает в качестве основ развития личности любовь, просвещение и самостоятельный нравственный выбор. Основы нравственности, заложенные в семье, в дальнейшем должны, считает писатель, стать благодатной почвой для общественного воспитания. Под общественным воспитанием нужно понимать не только влияние школы, но и в целом той среды, в рамках которой происходит формирование жизненных принципов личности. Писатель указывает на опасность влияние со стороны так называемой роковой среды (воздействие которой он осознает, в том числе и на себе) [4]. Трагические последствия «обособления» начинаются, по Достоевскому, с самого главного разрыва – разрыва с народной «почвой», которая дает человеку важнейший ценностно-смысловой ресурс в виде национальных и культурных традиций и без которой создать или восстановить духовно-нравственную основу структуры личности невозможно (подробнее об этом см.: [5–7]).

Русский народ как одна из базовых ценностей в иерархической системе аксиологии Достоевского предстает на страницах «Дневника писателя» как целомудренный, несущий в своей основе незыблемые вековые ценности и приоритеты. Достоевский не идеализирует народную среду, говоря о распространении таких опасных пороков, как пьянство, сквернословие и т. д., но при этом отмечает, что «идеалы его сильны и святы, и они-то... наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении» [1, т. 22, с. 43].

Большое значение в системе воспитательного воздействия отводится Достоевским роли учителя. Для писателя воспитание – это сложный процесс становления личности, в котором никакие внешние социальные условия не решают главной задачи. Поэтому его беспокоила наметившаяся тенденция к упрощенности: «Вся педагогика ушла теперь в заботу об облегчении. Иногда облегчение вовсе не

есть развитие, а, даже напротив, есть отупление. Две-три мысли, два-три впечатления поглубже выжитые в детстве, собственным усилием (а если хотите, так и страданием), проведут ребенка гораздо глубже в жизнь, чем самая *облегченная школа*, из которой сплошь да рядом *выходит ни то ни сё, ни доброе ни злое, даже и в разврате не развратное, и в добродетели не добродетельное*» [1, т. 22, с. 9]. Подрастающему поколению все реже предлагают задумываться над важнейшими вопросами человеческого существования, «хорошо» или «плохо» то, во что он верит и в соответствии с чем поступает. Кажется, что общество построено на многообразии и вариативности и проблема выбора стоит перед человеком ежедневно. Но проблема нравственного выбора зачастую подменяется проблемой решения, молодого человека при внешней декларации свободы ставят в определенные рамки, задают стереотипы восприятия, чужое авторитетное мнение зачастую подается как истина, не предполагающая оценивания и осмысления с критической позиции. Поэтому столь большое влияние на молодое поколение имеют, по мнению Достоевского, «высшие учителя наши», т. е. европейские авторитеты. Как итог, прививаемые ими идеи зачастую расходятся с традиционными воззрениями русского народа, происходит катастрофическая по масштабу последствий, в числе которых писатель называет «отупление», «безмыслие» и отвергание Христа, ценностная подмена: «...великие идеи о „свободном труде в свободном государстве“ и о коммуне и об общевропейском человеке... вся эта дребедень кажется им религией, а абсентизм и измена отечеству – добродетелью» [1, т. 21, с. 135].

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о трех столпах в системе педагогических воззрений Достоевского: семья, общественное воспитание (среда, школа, образ учителя) и духовность [8]. Опираясь на принципы православной антропологии, Достоевский рассматривает человека как существо духовно-телесное, наделенное свободой воли и бесконечными потенциями для духовного развития и возрастания. Многократно в разных контекстах «Дневника писателя» обращаясь к детям, писатель выявляет важнейшую закономерность развития: для детства характерна особая логика пути – вверх, развитие, совершенствование, отсутствие автоматизма восприятия. Поэтому ребенку и необходимы не абстрактные нравственные сентенции¹, а реальная и неравнодушная включен-

ность взрослых в процесс воспитания и ценностного самоопределения. На эту особенность педагогического таланта Ф. М. Достоевского указывает С. Михалков: «Большие вопросы о том, что делает человека человеком, что дает ему силы сохранить чувство собственного достоинства, не растратить себя, не разменяться, не идти на компромисс с совестью. Каждой строчкой своих книг Достоевский будит в сердце своих больших и маленьких читателей отзывчивость, сострадательность. *Можно ведь бесконечно повторять слова о добре, красоте, гуманности, но только от перечисления этих понятий человек не станет человечным. Нужно задевать все струны сердца*» [9, с. 8].

Достоевский считает, что самосовершенствование человека происходит постепенно, через прохождение ситуаций персонального выбора и ответственности за совершенный поступок, нравственного дискомфорта, соизмерения себя, своего внутреннего состояния с высшей вертикалью, вершиной которой для Достоевского является Бог. Только в этом случае человек может избежать «искуса индивидуальности» и обрести духовный иммунитет, поскольку сознательно выбирает целостность, вневременные смыслы своего существования, приоритет духовного начала над внешним, сиюминутным.

Воспитание при всей своей иерархичности представляет собой, по мысли писателя, диалогический процесс духовного общения личностей-субъектов, в процессе которого создается ситуация внутреннего понимания и принятия, взаимного нравственного совершенствования. В этом случае сохраняется важнейший аксиологический приоритет – свобода воли личности, которую родитель или педагог должны воспринимать как абсолютную ценность и необходимое условие развития и самоопределения относительно должного и недолжного, добра и зла, реальной или номинальной духовности, «быть» или «казаться».

Выявленные авторами педагогические идеи Достоевского, включающие в себя вопросы детско-родительских отношений и самоопределения личности, представляются важными с практической точки зрения. Включение в практику изучения в старших классах школы и профессиональной подготовки не только филологов, но и педагогов таких аксиологически заряженных текстов, как «Дневник писателя», который может восприниматься только через опыт личных переживаний и осмыслений, позволяет использовать его в качестве одного из значимых ресурсов духовно-нравственного образования и воспитания: «Важно, чтобы ценностный опыт Достоевского и духовные императивы его творчества стали для школьников источниками размышления о том, что

¹ Изображая в романах Великого Пятикнижия героев-идеологов, «мучеников идеи», Достоевский показывает, что никакая отвлеченная идея не способна вернуть человеку целостность, преодолеть разрыв между *pro et contra*. Идея не в состоянии удержать человека от страстей, которые разрушительны для духовного строя личности, лишают ее целостности, нравственных ориентиров.

делает человека человеком, об основах культурной идентичности русского народа, необходимости нравственного поведения, ориентации на неутилитарные и прагматические интересы» [10, с. 117]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70004а(р)-ОГН.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1986.
2. Кошечко А. Н. Достоевский и апостасия: к вопросу об атрибутивных характеристиках экзистенциального сознания // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 11 (139). С. 23–31.
3. Кошечко А. Н. Направления воспитания ценностной структуры повседневно-экзистенциального сознания Ф. М. Достоевского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 11 (188). С. 194–202. DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-194-202.
4. Киносита Т. «Воспоминание спасет человека!» Воспоминания детства в творчестве Ф. М. Достоевского // Sub specie tolerantiae. Памяти В. А. Туниманова. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом) РАН. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 110–117.
5. Кирдяшкин И. В. Гражданская культура молодежи как средство реабилитации смыслов отечественной культуры // Вестн. Пермского гос. ун-та (Perm State University Bulletin). 2014. Вып. 1 (25). С. 107–118.
6. Канунова Ф. З. Некоторые проблемы преподавания творчества Ф. М. Достоевского: общий курс по истории русской литературы XIX в. (III часть) // Достоевский и время: сб. статей / ред. Е. Г. Новикова, А. А. Казаков. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 9–16.
7. Смирнов Я. В., Кошечко А. Н. Изучение проблемы ответственности в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и духовно-нравственное воспитание школьников // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 2 (179). С. 119–123. DOI 10.23951/1609-624X-2017-2-119-123.
8. Зеткина И. А. Вера как неперемное условие воспитания // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 106–109.
9. Михалков С. Достоевский и дети // Ф. М. Достоевский детям. М.: Детская литература, 1971. С. 5–11.
10. Кошечко А. Н., Бобырева А. А. Духовные императивы творчества Ф. М. Достоевского в преподавании литературы: теоретические и методические аспекты // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 2 (179). С. 114–118. DOI 10.23951/1609-624X-2017-2-114-118.

Кошечко Анастасия Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, директор Международного научно-практического центра аксиологии и методологии духовно-нравственного воспитания ТГПУ, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: Nastyk78@mail.ru.

Пацюрка Елена Игоревна, магистрант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: patsorka@yandex.ru.

Материал поступил в редакцию 30.05.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-105-111

PEDAGOGICAL IDEAS OF F. M. DOSTOYEVSKY IN „A WRITER’S DIARY” (TO THE PROBLEM STATEMENT)

A. N. Koshechko, E. I. Pats’yorka

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The article is devoted to the research of the system of Dostoyevsky’s pedagogical ideas realized in the text of “A Writer’s Diary”. As a statement of the problem, the writer’s pedagogical ideas are analyzed in the context of artistic, aesthetic, moral, philosophical and social problems which are comprehended in the monomagazine and have distinct focus to activization of a value position of the reader. The complex of the pedagogical ideas of Dostoyevsky in the context of insufficient study of “The diary of the writer” acquire the status of a current scientific and methodological problem, to the study of which the science of Dostoyevsky in a format of integral monologic research did not apply.

In the system of pedagogical dominants of Dostoyevsky, the following are distinguished: family, public education (environment, school, teacher’s image) and spirituality. Considering a person as a spiritual-corporal creature, the writer shows the importance of creation of conditions of the personal value choice which should be provided by the concerned involvement of adults, creation of the “soil” in the form of family space, spiritual imperatives of the Russian culture and traditions of the Russian people. Education in Dostoyevsky’s concept represents dialogical process of spiritual communication of the persons-subjects, capable of understanding and acceptance, mutual moral perfection.

The analysis of the pedagogical ideas of Dostoyevsky is also significant for the national educational policy not only in the field of teaching Russian and literature, but also for the practical solution of questions of spiritual and moral upbringing and education.

Key words: *F. M. Dostoyevsky, "A Writer's Diary", author, values, Orthodoxy, Russian culture, spiritual and moral education, moral, consciousness, childhood, "casual family", dialogue, people, parents, teacher, subject, Strategy of development of education in the Russian Federation until 2025.*

References

1. Dostoyevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1986 (in Russian).
2. Koshechko A. N. Dostoyevsky i apostasiya: k voprosu ob atributivnykh kharakteristikakh [Dostoyevsky and apostasy: the question of attributive characteristics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, vol. 11 (139), pp. 23–31 (in Russian).
3. Koshechko A. N. Napravleniya vospitaniya tsennostnoy struktury povsednevno-ekzistentzial'nogo soznaniya F. M. Dostoyevskogo [Directions of education of valuable structure daily экзистенциального F. M. Dostoyevsky's consciousnesses]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, vol. 11 (188), pp. 194–202 (in Russian). DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-194-202.
4. Kinoshita T. "Vospominaniye spaset cheloveka!" Vospominaniya detstva v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo ["Reminiscence will save the person!" Childhood memories in F. M. Dostoyevsky's creativity]. *Sub specie tolerantiae. Pamyati V. A. Tunimanova. In-t rus. literatury (Pushkinskiy dom) RAN* [In memory of V. A. Tunimanov. Institute of the Rus. Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 110–117 (in Russian).
5. Kiryashkin I. V. Grazhdanskaya kul'tura molodezhi kak sredstvo reabilitatsii smyslov otechestvennoy kultury [Civil culture of youth as means of rehabilitation of meanings of domestic culture]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta – Perm State University Bulletin*, 2014, no. 1 (25), pp. 107–118 (in Russian).
6. Kanunova F. Z. Nekotoryye problemy prepodavaniya tvorchestva F. M. Dostoyevskogo: obshchiy kurs po istorii russkoy literatury XIX v. (III chast) [Some problems of teaching creativity F. M. Dostoyevsky (general course on the history of Russian literature of the XIX century (III Part)). *Dostoyevskiy i vremya: sb. statey* [Dostoyevsky and time: collection of articles. Ed. E. G. Novikova, A. A. Kazakov]. Tomsk, TSU Publ., 2004, pp. 9–16 (in Russian).
7. Smirnov Ya. V., Koshechko A. N. Izucheniye problemy otvetstvennosti v romane F. M. Dostoyevskogo "Prestupleniye i nakazaniye" i dukhovno-nravstvennoye vospitaniye shkolnikov [Studying of the problem of responsibility in the novel of F. M. Dostoyevsky "Crime and Punishment" and spiritual and moral education of pupils]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, vol. 2 (179), pp. 119–123 (in Russian). DOI 10.23951/1609-624X-2017-2-119-123.
8. Zetkina I. A. Vera kak nepremennoye usloviye vospitaniya [Belief as indispensable condition of education]. *Integratsiya obrazovaniya – Integration of Education*, 2001, no. 1, pp. 106–109 (in Russian).
9. Mikhalkov S. Dostoyevskiy i deti [Dostoyevsky and children]. *F. M. Dostoyevskiy detyam* [F. M. Dostoyevsky to children]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1971. Pp. 5–11 (in Russian).
10. Koshechko A. N., Bobyreva A. A. Dukhovnyye imperativy tvorchestva F. M. Dostoyevskogo v prepodavanii literatury: teoreticheskiye i metodicheskiye aspekty [Spiritual imperatives of creative work of F. M. Dostoyevsky in teaching literature: theoretical and methodical aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, vol. 2 (179), pp. 114–118 (in Russian). DOI 10.23951/1609-624X-2017-2-114-118.

Koshechko A. N., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: Nastyk78@mail.ru

Pats'yorka E. I., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061),
Tomsk Economical and Industrial College (ul. Pushkina, 63, str. 28, Tomsk, Russian Federation, 634006).
E-mail: patsorka@yandex.ru